

— Пока! — нажав кнопку отбоя в последнюю секунду перед автоматическим отключением, Цзян Бин облегчённо вздохнул. — Чёрт, сколько же стоит связь!

За пределами телефонной будки сидел парень с жёлтыми волосами.

Вынув сигарету изо рта, парень косо посмотрел на Цзян Бина:

— Ну что, поговорил со своей пассией?

Цзян Бин:

— Отвали, это мой... мой младший брат!

— Фу, болтаешь тут, ещё и поёшь! Я уже две сигареты выкурил, пока ты тут возился! — жёлтоволосяный парень с раздражением встал. Его рост был примерно таким же, как у Цзян Бина, но на его худощавых плечах висел чёрный футляр для инструмента, чуть меньше гитары Цзян Бина.

Цзян Бин выбросил в мусорное ведро использованную телефонную карту и с улыбкой спросил:

— Правда? Мне кажется, прошло всего несколько минут.

Жёлтоволосяный парень: «...»

Е Юйфань ещё некоторое время держал телефон, прежде чем встать и начать убирать беспорядок в комнате. На столе и на полу валялись пустые тюбики от краски, что заставило его сожалеть о потраченном материале.

Он разложил рисунок, подписал дату и решил сдать его как первую работу в этом учебном году — ведь было бы слишком жаль не использовать её!

Е Юйфань договорился с преподавателем о встрече по почте, чтобы лично передать рисунок — Эндрю сказал, что Е Юйфань может в любое время прийти к нему, чтобы обсудить свои работы.

Увидев рисунок, Эндрю был удивлён. Он похвалил его, сказав «amazing», что означало «потрясающе», и спросил:

— О чём ты думал, когда рисовал?

Е Юйфань ответил:

— Я просто выплёскивал свои эмоции.

— Конкретнее, какие именно чувства? — Эндрю взглянул на цветовую гамму рисунка. — Любовь? Или страх?

Любовь? Не может быть!

Е Юйфань нахмурился:

— Я не знаю...

Эндрю задумчиво сказал:

— У меня такое ощущение, что ты боролся с чем-то.

Е Юйфань был поражён пронизательностью Эндрю, но он не мог описать свои запутанные воспоминания и странные ощущения.

Эндрю также заметил замешательство Е Юйфана и кивнул:

— В любом случае, это очень хорошая работа.

Он назвал её «работой», а не «заданием», что немного смутило Е Юйфана. Но в душе он чувствовал себя неуверенно, потому что, когда он рисовал, он был пассивен, точнее, он был как бы «вне тела».

Затем Эндрю поинтересовался его жизнью и отношениями в группе. Е Юйфань уклончиво ответил на последний вопрос. Он не чувствовал себя одиноким, напротив, ему было очень комфортно.

Эндрю:

— Меня также удивляет твой язык. Я действительно не могу поверить, что ты смог так быстро прогрессировать. Как ты это сделал?

В прошлый раз, когда он видел этого студента, тот ещё не мог свободно выражать свои мысли.

— Заучивание, практика, разговоры с соседом по комнате, — ответил Е Юйфань.

Да, это были известные всем методы, но немногие могли достичь такого прогресса за несколько месяцев!

Эндрю, похоже, нуждался в переоценке этого тихого китайского мальчика, потому что информация, предоставленная ему приёмной комиссией, не могла отразить его реальные способности.

— Ты молодец, цени свои таланты и продолжай стараться.

После ухода Е Юйфана Эндрю открыл его студенческий дневник и в графе для комментариев преподавателя написал: «У этого студента выдающиеся способности к обучению и зрелость, не соответствующая его возрасту». После этого Эндрю долго колебался, прежде чем добавить со строгим выражением лица сноску со звёздочкой: «Противоречие между выражением идей в рисунках и вербальным выражением, возможно, свидетельствует о раздвоении личности».

До этого в графе для комментариев преподавателя о Е Юйфане была только краткая стандартная запись: «Начинающий уровень рисования, на основе представленных при поступлении работ есть потенциал для роста, способность к общению на английском языке не определена, творческие способности требуют наблюдения».

Е Юйфань не решился снова пойти на занятия по английскому, он старался избегать Хэ Юэси и Го Чжэкая.

Причиной была его сильная эмоциональная и психическая реакция после того, как он услышал имя «Гуань Линьюнъ». Он боялся, что его психическое заболевание снова проявится, что он снова потеряет контроль и впадёт в одержимость или манию.

Самосохранение — это естественный инстинкт, особенно в чужой стране, где у него не было

никого близкого. Е Юйфань должен был быть предельно осторожен в каждом своём шаге.

Вспомнив утренний звонок от Цзян Бина, Е Юйфань немного успокоился. Он достал телефон и отправил ему электронное письмо, но на этот раз Цзян Бин не ответил мгновенно.

Сейчас в Китае была ночь, вероятно, он ещё спал.

Е Юйфань с сожалением положил телефон обратно в карман. Он заметил, что с тех пор, как он уехал за границу, он общался с Цзян Бином гораздо чаще, чем с родителями!

В полдень в студии было мало студентов — возможно, они ещё не встали после ночной работы или пошли обедать.

Несколько человек, которые были там, были знакомыми лицами, все иностранцы, включая старшего студента Генри, с которым Е Юйфань познакомился в первый день в студии.

Е Юйфань увидел, что Генри увлечённо рисует натюрморт маслом, и не стал его отвлекать, а сам пошёл к своему месту.

Он достал новый лист бумаги для набросков, прикрепил его к старой деревянной доске с помощью клейкой ленты, выровняв края, а затем взял карандаш марки Marco 4B, который купил здесь, и аккуратно заточил его, оставив длинный стержень.

Он делал всё это с необычайной серьёзностью, словно выполнял священный ритуал.

В большой студии было тихо, потому что людей почти не было, и любой звук отзывался эхом, включая шум лезвия, режущего дерево и металл.

Солнечный свет падал на другие углы студии, тени деревьев за окном колебались, отражаясь на противоположной стене. Чайки прилетели с моря, издавая крики, где-то закончились занятия, и студенты, шумно пройдя мимо, снова вернулись к тишине.

Гипсовая статуя на низком столе была едва различима в рассеянном свете, поэтому немногие любили приходить в студию днём. Даже с прожекторами и шторами было невозможно полностью отгородиться от внешнего мира, поэтому большинство студентов вели образ жизни, как у вампиров.

Но Е Юйфаню нравилась такая атмосфера. Он находился в углу студии, словно стал невидимым.

Его внимание постепенно сосредоточилось на механических, не требующих размышлений действиях. Перед ним были только кисть, бумага и пространство в один квадратный метр...

Провести весь день, рисуя волосы на гипсовой статуе или размышляя, казалось скучным занятием, но оно приносило душевное спокойствие.

Е Юйфань постепенно находил в этих монотонных действиях чувство присутствия.

Да, вчера он бессознательно выплёскивал свои эмоции, а теперь каждая линия на бумаге была осознанно нанесена им самим. Он наблюдал, как на белом листе постепенно проявлялся контур человека, словно он был творцом, создающим Адама, с абсолютным чувством контроля...

— Отличный рисунок! — раздался голос позади него, и Е Юйфань очнулся.

Генри стоял за ним, его подбородок был покрыт щетиной, лицо выглядело уставшим, но глаза горели.

— Я думал, ты рисуешь гипсовую статую, — Генри указал на юношу на рисунке. — Это твой друг?

— Да, — Е Юйфань слегка стёр резинкой уголок рта юноши, чтобы подчеркнуть его характерную улыбку. — Это мой друг из Китая.

— Он выглядит симпатично, — улыбнулся Генри.

Е Юйфань смущённо улыбнулся и отложил кисть.

Генри спросил:

— Почему ты не рисуешь цветные работы? Я никогда не видел, чтобы ты это делал.

— Иногда рисую, — Е Юйфань не хотел говорить, что он экономит на красках. Вчерашний рисунок обошёлся ему дорого, и в ближайшее время он вряд ли будет рисовать цветные работы. Он просто сказал:

— Мне больше нравятся наброски.

— Ну, твои наброски великолепны. Если бы я познакомился с тобой на третьем курсе, у меня было бы больше мотивации рисовать, — Генри подмигнул ему, подтверждая:

— Серьёзно, мой китайский друг, ты заставляешь меня чувствовать конкуренцию.

Е Юйфань улыбнулся, заметив, что Генри уже переоделся, и спросил:

— Ты уходишь?

Генри в студии всегда носил серую толстовку, которая, по его словам, раньше была бежевой, но теперь полностью потеряла цвет, и он использовал её как рабочую одежду.

Генри сказал:

— Мне скоро нужно идти на работу в бар.

<http://bllate.org/book/16335/1475103>